Кексгольм) — «град древний государский». Говоря о крепости Канец (Ниеншанц), построенной на Неве шведами, автор особо подчеркивает, что этот град «стоит на государской земле». И даже, когда рассказывается о коренном населении Ижорской земли и Корельского уезда, обязательно отмечается, что они хотя и не русские по крови, но люди «нашего благочестия христианские веры... прежде были за великим государем московским». Одним словом, при чтении текста о захваченных шведами бывших русских владениях невольно создается впечатление, что русские люди, несмотря на наличие шведских гарнизонов, по-прежнему чувствовали себя в этих землях законными хозяевами.

Целью сочинения было не только описание городов и местностей, но прежде всего (как это явствует из заглавия) описание путей, ведущих в шведские владения. Исходным пунктом для этих путей берутся берега Белого моря.[9] Исследователи, касавшиеся этого сочинения до сих пор, собственно описанием путей, в сущности, совсем не занимались, хотя оно является одной из наиболее ценных сторон данного памятника.

Первый описываемый здесь путь шел от Белого моря, от Сумского городка, по р. Выг до Выгозера, оттуда до волости Маселга и к Онежскому озеру у Повенца (по этой линии в наши дни проложен Беломорско-Балтийский канал). От Повенца прямая водная дорога вела по Онежскому озеру, Свири и Ладожскому озеру до «великие реки Невы», по Неве «в морскую проливу»[10] — Финский залив и далее в «море Варяжское»[11] к шведской столице «Стекольне». Фактически в данном случае автором соединены вместе два пути — древний путь из Новгорода и Приладожья к Белому морю, являвшийся (по крайней мере, с X—XI вв.) основной линией связи между Новгородом и русским Севером, и важнейший русский водный путь через Неву в Балтийское море, когда-то являвшийся началом знаменитого «пути из Варяг в Греки». Из Беломорья в XVI—XVII вв. русские товары в гораздо большем объеме продавались прямо на запад по морю, через Архангельск. Но русские торговые люди в XVII в. стали использовать и путь в Швецию, описанный Афанасием Холмогорским, для продажи севернорусских товаров на берегах Балтийского моря, в Нарве, Ревеле, Стокгольме. В наибольшей мере использовался по-прежнему южный отрезок этого пути — из Новгородской земли через Неву в Балтийское море.

Меньшее значение имели описываемые Афанасием Холмогорским второй и третий пути, мало известные нашим историкам. Эти пути использовались главным образом для торговли между северными владениями России и Швеции.

Второй путь вел «из Сумского городка на Шилню» (соврем. Шижня в низовьях Выга) «чрез многия села и деревни» северной Карелии «на Тулово» (оз. Тулос и с. Туливара у «немецкого шведского рубежа») и «до первыя волости жителей швецких Пангозера» (соврем. оз. Пан-

---

[9] Не только потому, что сочинение создавалось в Холмогорах, но и (по весьма вероятному предположению В. Верюжского; Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды, стр. 630) потому, что оно должно было дать сведения для намечавшихся Петром I операций против шведов из района Белого моря, практически осуществившихся летом 1702 г. в виде известного перехода Петра с войсками и 2 кораблями от Белого моря через Онежское и Ладожское озера (почти точно по линии первого пути, описываемого Афанасием) к истоку Невы, к стоявшей там шведской крепости Нотебург.

[10] Слова «залив» в русском языке тогда еще не было; в данном сочинении понятие «залив» выражается двумя разными способами: «морская пролива» (для Финского залива) и «Ботнинский рукав» (для Ботнического залива).

[11] Тем самым документально подтверждается, что древний русский термин «море Варяжское» от времен Начальной летописи дожил до первых лет XVIII в.